

Глава 1

Я открыла глаза. Я была в моей спальне в доме на Трэдд-стрит. В щели в деревянных ставнях пробивались стрелы света. Тонкие тюлевые занавески, призванные, по мнению моей матери, добавить женственности в спартанское мужское пространство, мягко колыхались в струях холодного воздуха, проникавших сквозь вентиляционное отверстие, спрятанное в широком плинтусе. К моей щеке прижимался мокрый нос и мохнатое ухо, а хвост Генерала Ли обмахивал мне лицо. Увы, ни одно из этих средств создания комфорта не ослабило напряжения в моей груди, которое вновь напомнило о себе, стоило мне проснуться. Реальность жизни вновь обрушилась на мою голову, словно лавина, не зная никаких препятствий.

Казалось бы, я всю жизнь контролировала свои шаги и решения и то, что считала целеустремленной карьерой успешного риелтора. И вдруг неожиданно для себя оказалась в высшей мере невообразимом и необычайно щекотливом положении: мне сорок лет, я не замужем и — что самое странное — беременна. Я посмотрела на прикроватную тумбочку. Мой взгляд упал на небольшие куполообразные юбилей-

ные часы, некогда принадлежавшие предыдущему владельцу дома, Невину Вандерхорсту.

Как и все остальное в спальне и во всем доме, я сохранила их, хотя не совсем понимала почему. Я привыкла убеждать себя, что если я не наложу на дом слишком явственного личного отпечатка, то в будущем мне будет легче его продать. Но иногда, как, например, сейчас, мне казалось, будто я слышу голос мистера Вандерхорста, как он рассказывает мне о любви, которую питал к родовому гнезду своей семьи. Это часть истории, которую можно подержать в руках. Сначала я не совсем понимала, что он имел в виду, но теперь, похоже, до меня начало доходить.

Я старалась не замечать эту связь между историей и семьей. Хотя я уроженка Чарльстона со своим собственным багажом генеалогического древа и старых домов, в конце концов, я прекрасно обходилась без них почти тридцать три года. По крайней мере, до тех пор, пока моя мать, бросившая меня, когда мне было шесть лет, не решила, что нам пора помириться.

Я прищурилась, глядя на круглый циферблат, молча проклиная свое решение не заменять мои электрические часы на аналоговые, только с еще более крупными и яркими неоновыми цифрами, которые я могла видеть без очков. Порывшись в прикроватной тумбочке, я нашла очки и надела их себе на нос. Семь тридцать. Я вздрогнула, испытал ужас от того, что вновь проспала. Не скажу, чтобы кто-то приходил на работу в «Бюро недвижимости Гендерсона» раньше девяти, но с тех пор, как начала там работать, я, как

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ТРЭДД-СТРИТ

верный страж, всегда сидела за своим столом уже в восемь утра. Как по часам. Неудивительно, что начиная с самого первого года работы мое имя ежеквартально возглавляло в конторе мистера Гендерсона список лидеров продаж. Рекорд, который до недавнего времени никто не мог побить.

Я уже было приготовилась спустить ноги с кровати, когда комната накренилась и содержимое моего желудка, оставшееся с прошлой ночи, потребовало к себе внимания. Я со стоном откинулась на подушку, чувствуя себя ничуть не лучше, даже несмотря на влажный язык Генерала Ли. Короткий стук в дверь возвестил, что это миссис Хулихан. Моя экономка вошла в спальню, неся тарелку с соленым печеньем.

— Похоже, я вовремя. Ваша мама велела мне каждое утро ставить их вам на тумбочку. Прежде чем отрывать голову от подушки, вам надо съесть пару штук.

Я унаследовала миссис Хулихан вместе с собакой и домом.

Если честно, я все еще сомневалась в достоинствах двух последних, но миссис Хулихан была на вес золота. Рассмотрев же ее пышную грудь и широкие бедра, я поняла, что это впрямь значительная сумма.

— Спасибо, миссис Хулихан, — сказала я. Взяв предложенный крекер, я приставила его к сухому языку, чтобы он сам растворился, опасаясь, что, если я буду слишком энергично жевать, мой желудок этому воспротивится. Я закрыла глаза, чтобы комната не шла кругом, и снова услышала звук. Похоже, именно он и разбудил меня, хотя я и забыла о нем, как только вновь открыла глаза.

— Вы слышали? — спросила я, по двум причинам лежа неподвижно, чтобы лучше слышать и чтобы меня не вырвало от резкого движения.

— Что именно? — миссис Хулихан встретила со мной взглядом.

Звук был настолько слабым, что его было проще проигнорировать. Если бы не одно «но»: его сопровождал порыв холодного воздуха, как будто где-то рядом только что распахнулась дверь в склеп.

— Плач ребенка, — сказала я. И как будто он тоже его услышал, Генерал Ли спрыгнул с кровати и выбежал за дверь. Я сказала себе, что это потому, что он голоден и побежал на кухню, рассчитывая там чем-то поживиться.

Миссис Хулихан улыбнулась и подошла к двери.

— В этом доме нет младенцев, по крайней мере, пока. Наверно, вы слышите кошку на тротуаре. Или же ваши уши обманывают вас, помогая вам подготовиться к тому, что ждет вас дальше. — Она остановилась и вновь повернулась ко мне лицом. Ее дородные телеса заполнили весь дверной проем. — Я приготовлю вам немного зеленого чая без кофеина, который принесла Нола. Просто лягте и продолжайте есть крекеры, пока не почувствуете, что можете сесть.

Она указала на маленький колокольчик, который моя мать поставила рядом с часами.

— Просто позвоните мне, если я вам понадоблюсь.

Под моим окном раздалось громкое урчание мотора. Я даже вздрогнула.

— Что это? — спросила я, выплевывая соленые крошки на ворот моей ночной рубашки.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ТРЭДД-СТРИТ

— Это подрядчик Рич Кобилт занимается очисткой фундамента. Он сказал, что сообщил вам на прошлой неделе, что вам лучше припарковать машину на улице, чтобы у него был доступ к саду за домом.

Превозмогая муторный туман тошноты, я перевела взгляд на свой старый мобильник и новый айфон. Ни тот ни другой я не включала со вчерашнего дня, когда около шести вечера притащилась с работы и рухнула на кровать. Я смутно вспомнила разговор с мистером Кобилтом, даже то, что мне неким чудом удалось избежать полного обзора заднего «декольте» его вездесущих сползающих штанов. Возможно, я даже сделала пометку в своих различных календарях, от которых, увы, с выключенными кнопками питания было мало толку. Мой настольный календарь в офисе, вместо тщательно записанного графика деловых встреч, был исчеркан каракулями, а вернее портретами Того-Кого-Нельзя-Называть-По-Имени. Взятые в грубо нарисованные виньетки, его лицо было искажено гримасами различных предсмертных мук средневекового типа. Я закрыла глаза и застонала.

— Не волнуйтесь. Ваш отец пришел раньше и переставил вашу машину, чтобы вы могли поспать подольше. Не торопитесь и просто крикните мне, если вам что-то понадобится. Пойду, накормлю Генерала Ли.

Пес как будто услышал свое имя, так как снизу тотчас раздался резкий лай. До того как меня стала мучить утренняя тошнота, вызванная беременностью, у нас с ним была общая биологическая потребность питаться в определенное время в течение дня.

По его лаю или по моей возросшей раздражительности можно было проверять часы. Теперь же сама мысль о еде выворачивала меня наизнанку. Я вскочила с кровати и едва успела добежать до ванной.

Через полтора часа я на ватных ногах спустилась вниз. После повторного мытья волос и трехкратной замены макияжа, вследствие неоднократных забегов с целью избавить мой желудок от его содержимого, я сдалась. Лишь вновь собрала волосы в хвост и нанесла на нос немного пудры. Я даже не стала надевать очки, так как мне было совершенно неинтересно видеть результаты моего туалета.

На столе рядом с дымящейся чашкой обещанного зеленого чая без кофеина на тарелке лежали два сухих тоста — без глютена, пшеницы и вкуса. Напротив сидела моя мать, бывшая оперная дива Джинетт Приоло. Глядя на нее, вы бы подумали, будто она только что сошла с рекламы универмага «Гвинн». Хотя ей уже за шестьдесят, она легко сойдет за кого-то по крайней мере на десяток лет моложе, или даже за брюнетистую версию Долли Партон, правда, без южного акцента и с чуть менее пышным бюстом. Единственным утешением моей беременности было то, что впервые в жизни у меня появилась причина носить нижнее белье, не напоминающее спортивный бюстгалтер.

Я села перед тостом и постаралась не думать про пончик с шоколадом.

— Доброе утро, мама. Что привело тебя сюда так рано?

Она сделала небольшой глоток чая.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ТРЭДД-СТРИТ

— Разве мне нужна причина? Ты мой единственный ребенок и вот-вот родишь моего первого внука, разве этого мало?

Я пристально посмотрела на нее.

— Тебе звонила Нола, не так ли? — Нола — дочь-подросток Того-Кого-Нельзя-Называть-По-Имени. Она приехала в Чарльстон в начале этого года, после того как ее мать Бонни умерла в Калифорнии, и между нами завязалась дружба.

До недавнего времени, пока мой дом не был признан пригодным для проживания после колоссального — и опустошительного для моего банковского счета — ремонта фундамента, она жила со мной и моей матерью в доме последней на Легар-стрит. Слегка безбашенная, забавная, музыкально одаренная и умная — она была бы идеальным подростком, если бы не ее неудачный выбор отца.

— Нола беспокоится о тебе. Она не получала от тебя никаких известий с тех пор, как ты вернулась сюда. Джек тоже не говорит с ней о тебе.

Я сердито посмотрела на нее.

— Ты же знаешь, мы здесь не упоминаем это имя. — Я точно знала: миссис Хулихан стоит позади меня, и легко представила себе, как она поднимает брови, глядя на мою мать.

— Мелани, дорогая. Вы с Джеком станете родителями одного и того же ребенка. Рано или поздно тебе придется с ним поговорить. Пока что мяч на твоей площадке. Он просил тебя выйти за него замуж, но ты отказалась. Думаю, ты должна хотя бы объяснить причину своего отказа.

Судя по вопросительному взгляду моей матери, она считала, что Джек не единственный, кому полагается объяснение.

— Я ответила ему отказом по той же причине, — сказала я с преувеличенным терпением, — по какой Бонни не рассказала ему о Ноле. Она знала: как джентльмен, он предложит поступить «правильно». Мне не нужны его «правильные» поступки. Он уже дал понять, что не любит меня, и я не хочу выходить замуж по какой-либо иной причине. — Я почувствовала, как на глаза мне вновь наворачиваются эти адские слезы. — И я определенно не собираюсь тратить мое драгоценное время на погоню за ним, чтобы заставить его передумать.

— Но он любит тебя, Мелли. Я это точно знаю.

Я попыталась фыркнуть, но издавала, скорее, всхлип.

— Верно. Тогда почему он ответил «извини», когда я сказала ему, что люблю его? — Я взяла кусок тоста и впиалась в него зубами, хотя бы для того, чтобы скрыть предательское дрожание губ. Гормоны беременности в сочетании с отвергнутым признанием в любви и предложением руки и сердца, основанным на сострадании, подорвали мою стойкость и уверенность в себе. Крайне сомнительно, что они когда-нибудь вернутся ко мне. Кроме того, я строила свою жизнь исходя из того, что если притвориться, что чего-то нет, это нечто в конечном итоге уйдет само. По крайней мере, это обычно срабатывало, когда дело касалось призраков умерших людей.

— Ты знаешь, как бы ты это ни игнорировала, оно никуда не денется. — Очевидно, прочитав мысли, моя мать, которая к тому же еще и экстрасенс,

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ТРЭДД-СТРИТ

выгнув бровь, посмотрела на меня. Я сосредоточилась на чае и тосте, не обращая внимания на крошки, падающие мне на темно-синюю юбку и пиджак. Юбка держалась на резинке и скрепках, пиджак застегивался на пуговицы так, чтобы скрыть мои ухищрения. К сожалению, от постоянных усилий пуговица держалась на пиджаке только на честном слове. Почувствовав на себе взгляд матери, я медленно подняла глаза.

— Мне тоже приснился сон, — тихо сказала она.

Если не считать всплесков воды, так как миссис Хулихан мыла что-то в раковине, и чавканья в миске Генерала Ли, в комнате воцарилась гробовая тишина. Моей матери не снились обычные сны, и мы обе это знали. У нее бывали «видения». Последнее видение вернуло ее в мою жизнь, чтобы спасти меня. И то, что ей явилось новое, было не менее значимым.

— И кто в нем был? — спросила я, запивая чаем сухой тост.

— Плачущий ребенок.

Кусок застрял у меня в горле.

— Плачущий ребенок?

Она прищурилась.

— Значит, ты тоже его слышала.

Я закатила глаза, слишком поздно сообразив, что, наверное, в эти мгновения похожа на Нолу.

— Неужели у меня нет от тебя секретов?

Она мягко улыбнулась.

— На самом деле, нет. Впрочем, — добавила она, отодвигая чашку, — возможно, это не связано с тобой и твоей беременностью.

Я пристально посмотрела на нее.

— Я что-то почувствовала, когда услышала плач. Что-то мощное и необязательно хорошее. И вместе с тем отстраненное, как будто оно не было связано со мной, а лишь хотело объявить о своем присутствии. — Она умолкла. В иной ситуации я бы сочла это молчание дурным знаком. Но она тут же продолжила. — И может быть, это была просьба о помощи.

Почувствовав на себе взгляд матери, я вздрогнула. В моей жизни было и так слишком много осложнений, и еще одно лишнее мне совершенно ни к чему. Я убеждала себя, что этот звук мне послышался, что он не имеет ко мне никакого отношения. Что тот человек, живой он или мертвый, не просил у меня того, что я не была готова дать.

Я посмотрела на свою пустую тарелку. Способность общаться с мертвыми — это наш с матерью общий дар. Вернее, это она называла его даром, я же считала занозой в одном месте. Хотя тогда я не подозревала об этом, именно эта способность разлучила нас с матерью, когда я была ребенком, но именно она снова нас сблизила. Я была благодарна ей за это, а также за то, что мы, не привлекая к себе постороннего внимания, смогли отправить к свету несколько беспокойных духов. Но мой собственный дух был слишком взбудоражен, чтобы думать о том, что происходило в ночи. Или плакало ранним утром.

— Этот дом мой уже довольно давно, и я успела выучить его призраков, — с жаром заявила я. — Мы отправили Луизу Вандерхорст и Джозефа Лонго туда, где им положено быть, и с тех пор я не видела ни их, ни Невина Вандерхорста. Тут есть еще пара-тройка мирных духов, и мы счастливы не мешать

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ТРЭДД-СТРИТ

друг другу. И уж точно никакого ребенка, равно как и причин, чтобы ему тут быть.

— Насколько нам известно, — добавила моя мать.

Я было открыла рот, чтобы заспорить, но тут кто-то постучал в дверь. Мы с матерью переглянулись, ощущая одинаковый узел страха в том месте, где сердце встречается с душой.

Миссис Хулихан открыла дверь и впустила моего сантехника-подрядчика Рича Кобилта. С тех пор как я унаследовала дом на Трэдд-стрит, Рич стал такой же неотъемлемой его особенностью, как осыпающаяся штукатурка и потрескавшийся фундамент. Меня частенько посещал вопрос, а не выделить ли ему комнату и не брать с него арендную плату, короче, все что угодно, лишь бы ускорить нескончаемые реставрационные работы в доме.

Рич вошел на кухню и, прежде чем заговорить, подтянул сползающие штаны. Я отпрянула. Это всегда был верный знак того, что у него для меня дурные вести. Он всегда сопровождался в моей голове воображаемым звяканьем кассового аппарата, высасывающего с моего банковского счета очередную сумму.

— Доброе утро, мисс Миддлтон, мисс Приоло. — Он кивнул нам обеим.

Миссис Хулихан принесла большую кружку кофе с ложкой сливок, два куска сахара и сунула ее ему в руки.

«Пора выставить ему счет и за кофе», — подумала я. Предлагать ему стул я не стала, ошибочно полагая, что чем меньше времени он проведет в моем присутствии, тем меньше денег мне придется истра-